

18+

Родион Белецкий

**ДОВОЛЬНО
СТРАШНАЯ
ИСТОРИЯ**

Родион Белецкий

Довольно страшная история

«Издательские решения»

Белецкий Р.

Довольно страшная история / Р. Белецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686347-7

В Москве в счастливом браке живет девушка Оля. В прошлом пережила она тяжелые отношения с неким красавцем из Питера по имени Андрей. В Москве ее жизнь сложилась гораздо лучше: Оля нашла себе мужа, забыла про прежние отношения и успешно работает врачом-косметологом. В один прекрасный момент ее приглашают в Питер на «Кадавр-курс». Там косметологи собираются в морге и тренируются на трупах делать уколы красоты. Оля оказывается в морге и в одном из трупов узнает своего бывшего...

ISBN 978-5-00-686347-7

© Белецкий Р.
© Издательские решения

Содержание

Родион Белецкий	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Довольно страшная история

Родион Белецкий

© Родион Белецкий, 2025

ISBN 978-5-0068-6347-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родион Белецкий ДОВОЛЬНО СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Посвящается Олечке Топчиевой

1.

Мертвая голова, лежащая на щеке, открыла глаза, посмотрела на меня, постепенно узнавая, словно после долгого, тяжелого сна, и сказала:

– Здравствуй, Олечка. Помнишь меня?

Я не успела ответить, потому что упала в обморок.

2.

«Кто сказал, что счастье невозможно?» – прочитала я рекламный слоган. Все во мне возмутилось, а внутренний голос заорал:

– Тебе, сука, никто ничего не говорил ни про какое счастье! Ты сам себе вопросы задаешь и сам же на них отвечаешь? Это раздвоение личности, называется!

Потом я подумала, это же просто реклама. Этот слоган сочинил нищий приезжий копирайтер. Ему нужно было за что-то зацепиться. Сам себе вопрос задал, сам ответил. Тебе-то что? Надо жить здесь и сейчас.

Так, что происходит сейчас? А сейчас мой Денис забыл ключи и пошел в квартиру на Ленинском, в нашу личную квартиру!

А я жду его возле автомобиля. Нашего личного автомобиля. У меня все хорошо. Он целовал мне ноги сегодня. Вчера у меня был секс. Не очень удачный, но зато он был!

– Ясно тебе, уродка, проходящая мимо?!

Мой внутренний голос зачем-то заорал на бледную девушку, бредущую в сторону метро. А мне стало на секундочку нехорошо. Хотя я красивая и солнце светит и тот, кто меня любит сейчас возьмет ключи и спустится и сядет в машину, и мы поедем, мы помчимся в Торговый Центр и по дороге будем обсуждать этот поганый Питер. Будем говорить, какой он уродливый, депрессивный, мокрый, и как хорошо в Москве, где нет пьяных, нестиранных фриков, которые считают себя культурной элитой и берут себе тупорогие, короткие псевдонимы на французский лад: Эжэ, Пурэ, Пюи... Леонтье и т. д. и т. п.

Я была злая, а должна была быть счастливая. Я была не вовремя злая. Некстати. Я смотрела на Дениску, он сосредоточился на дороге. И только после десяти километров заметил, что я на него смотрю и начал ме-е-едленно поворачивать голову в мою сторону.

Он вообще медлительный, мой Денис. Быстрее, говоришь ему! Быстрее! А он сразу спрашивает: «Что случилось?» И даже спрашивает он медленно, словно заело пленку: «Ч-т-о-о-с-л-у-ч-и-л-о-сь?» И хочется по щекам его ударить со всей силы, чтобы еще кольцом обручальным новеньким нос задеть, и чтобы кровь пошла, и чтобы увидеть в глазах его удивление и желание ответить ударом на удар. И потом в глазах его увидеть, как он справляется с этим желанием, вспоминает, что перед ним жена любимая и просто зажимает разбитый нос и отворачивается.

Я была очень злая. А должна была быть счастливая. Очень счастливая.

Денис вышел из подъезда медленно, медленно на ходу убирая ключи в карман. На каждый шаг уходило у него минут двадцать. На ходу он смотрел на меня и бесил. Но я сильная, я справилась. Хотя он специально остановился, чтобы помахать мне рукой. Специально. Встал. Посреди. Двора.

Одной рукой я махнула ему в ответ, другой – смяла рекламную листовку. Кто сказал, что счастье невозможно?

3.

В Питере я курила не переставая. Не могла понять, как можно вдыхать этот бледный воздух без табачного дыма. В Питере я и стихи сочиняла. Лежа с Андрюшей на мокрых простынях.

Жестокий принц
Ты вырезал мне бритвой
Большое сердце на спине
Мне стало
Гораздо легче
И дышать, и плакать
Закапав кровью пол
Я улыбаюсь.

Стихи были все такие. И Андрюша меня резал. И это не образ ни фига. Вернее так. Он сам себя решил порезать и торжественно мне это сообщил. Я подумала и решила... Хотя, вру. Я вообще не думала. В Питере никто не думает. Я ему сказала, давай и меня режь тоже. Он, мне кажется, с удовольствием это сделал. И с меня начал. Три полосы на предплечье. Девочка-Аидас. Боли особой не было. Крови было достаточно. Так что, «закапав кровью» – это чистая правда. Себе он по руке полоснул и все. Довольно глубоко. Но один раз. А потом мы пошли гулять в майках с пятнами крови. Руки о белые майки вытерли и натянули их на себя.

Ну в Питере этим мало кого удивишь. Если бы Курёхин вышел, прохожие бы оборачивались. Андрюша красивее Курёхина, но ноунейм. А я, скажем, симпатичная, когда себе нравлюсь. Интересная, когда не нравлюсь. А когда я себя ненавижу – что бывает гораздо чаще – я стараюсь вообще никуда не выходить. Оуклится, сидеть между матрасами со сладким абрикосовым треугольником. Тихо есть, вспоминать, как меня буллили в школе, и придумывать моим обидчикам запоздалые казни.

Например, сжечь, обложив старыми «Московскими комсомольцами», или утопить в прошлогоднем варенье, что-то в этом роде.

Мы с Андрюшей были не разлей вода, и я, мне кажется, висела на нем, обхватив его правую ногу, когда он ходил.

Иногда он меня с ноги стряхивал и уходил за деньгами. Являлся весь чудесный, как из арабской сказки. Глаза – как два Сириуса в безоблачную ночь.

– Почему так долго? – спрашивала я, злая и ревнивая.

Андрюша смотрел на меня, склонив голову и глаза его долго-долго находили меня, узнавая.

– Не мог раньше.

– Я зашивалась здесь!

– Жаль, – говорил он.

– Тебя сутки не было!

– Разве?

– Не зли меня!

– Дюймовочка, – говорил Андрюша, хотя рост у меня нормальный, – Можно поцеловать?

– Ещё чего!

– Можно?

– Нет, конечно!

А он все-равно целовал, носил на руках, бросал на кровать. Мы трахались, а я, попутно, пыталась рассмотреть на его теле засосы.

– Это что? – спрашивала я во время процесса.

– Это синяк, – отвечал Андрюша.

– Да какой это синяк! – говорила я.

Но он ускорился, и я как-то переставала отличать синяки от засосов.

Меня все чаще охватывала жуткая тоска. Особенно, когда он уходил. Я себя ощущала в этом мерзком Питере оторванной от всего нормального мира. Типа они придумали здесь себе, что они центр вселенной. А они дальняя дача Франции, куда французы перестали ездить век назад. Французы привезли сюда старую мебель, заперли дачу на замок, и в Шампань, не зная того, что всё это время живут на их даче бомжи.

Я была Андриюшиным полотенчиком и просто перестала себя осознавать в отрыве от него. Без Андриюши я тогда имени своего не смогла бы вспомнить. Пропадал на сутки, приходил, «Оль!» с порога, и я оживала, вскакивала, как горная коза и бежала к нему: «Оля! Я – Оля! Он меня вспомнил!»

Однажды пришел и сказал, надо бежать, и мы побежали по крышам, по льду и снегу, по голубиному помёту. Я разбила себе коленку. С синей ногой, с синим лицом, как тетка из «Аватара», вылезла вслед за Андреем в соседний подъезд.

– А что с моими вещами?

– Какими вещами?

– Моими. Там два чемодана!

– Вернемся и возьмем.

– Когда?

– Лёля, скоро.

Мы не вернулись. Мы ночевали у друга, который начал мне подмигивать после первой рюмки коньяка. Андрей вырубился, а друг – это питерское исчадие ада – сидел и смотрел на меня, уже не мигая. Я ему что-то рассказывала, а потом поняла, что он спит с открытыми глазами. Я встала, нашла шинель. Надела ее. Халат, солдатская шинель и грязные розовые тапочки с мехом.

Бродила по коммуналке, дернула слив на цепочке и увидела пластиковую фигуру Деда Мороза. С меня ростом. Ему я дала в морду. Мороз покачулся и не упал. Я хотел спать, открыла дверь, а в комнате сидела на полу девушка в халате. Почти что я. Только халат похуже и девушка моложе. Она сидела на корточках и волосы её касались пола.

Когда я вошла, она подняла голову, и я увидела, что девушка эта на цепи. Обе руки в кандалах и прикованы цепью к полу, к большому стальному железному уху.

– Здравсте, – сказала я.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

– С вами все в порядке?

– Нет, – ответила она.

Мой вопрос был не самым разумным. Конечно, с ней не всё в порядке. Стала бы она в старом халате сидеть пристегнутой цепью к полу.

– А у вас как дела? – спросила девушка вежливо.

«У меня хоть шинель есть», – хотела ответить я. Но потом подумала, что хвастаться в чужом доме нехорошо.

Потом, может быть, это её шинель.

– Дела не очень, – ответила я. Это была правда.

– Я хочу пить, – сказала девушка.

– Сейчас принесу, – сказала я.

– Не надо, – девушка замотала немойтой головой, – Меня накажут. Не надо.

И она улыбнулась. Переднего зуба у нее не было. Это был знак. Я вышла из квартиры и пешком дошла до Московского вокзала. Я бы доползла до него с японской катаной в спине. Только бы свалить из города тусклых огней.

4.

Андрей звонил. Я не брала трубку. Стерла все аккаунты. Он приезжал. Сидел на лавке, караулил. Я переехала к Железной Лене. Сестра посмотрела на меня с презрением и пустила. Её шиншиллы заматались по клетке при виде чужого.

– Их как зовут? – спросила я.

– А тебе зачем?

– Не знаю. Интересно.

– Это Кристина, а это Агилера.

Кристина от Агилеры ничем не отличалась. Сестра уходила на работу, а я лежала и ковырялась в пупке. Потом шла воровать её йогурты. В холодильнике больше ничего не было. Йогурты и препараты для её работы.

Препараты я не трогала. Восемь лет учиться, чтобы все забыть в Питере. Это умею только я и Розенбаум. Железная Лена уже Заведующая Отделением Косметологии. А я – прыщ на большой попе Московской Медицины.

Железная Лена вернулась преисполненная решительной агрессии или агрессивной решительности.

– Пойдешь ко мне работать, сестренка!

– Ананас – это животное.

– Что?

– Ты тоже бред сказала, сестренка, – ответила я.

– Тебе надо отвлечься.

– От чего?

– Тебе нельзя думать вообще!

А ведь она права, подумала я. Цепочка такая получается: я начинаю думать, я начинаю себя жалеть, потом я начинаю ненавидеть мир вокруг, а после я начинаю ненавидеть себя. Вот этот последний переход мне еще до конца не понятен. Но он неизменно происходит, и сижу я в ненависти по самую макушку, как в черной, лечебной грязи.

– Пойдешь ко мне на четверть ставки. Или по договору. На несколько часов в день.

Я обещала подумать.

В Питере мы с Андреем были в гостях. Андрей сказал, что у однокурсницы день рождения. Мы взяли бутылку «Ванна Таллина». В такси она стояла у меня между ног и булькала. Мне показалось, что из бутылки уже пили.

Дом был огромным. Весь для одной семьи. Внутри разрисован разноцветными гроздьями, словно архитектору, да и хозяину тоже в детстве не давали винограда. Ни ягодки.

На видном месте висел портрет строгого мужчины. Судя по выражению лица, он был возмущен черной ленточкой на углу своего портрета. По дому бегали одинокие дети. Няни валяли дурака. Вдова не только сдавала дом киношникам для съемок богатой жизни, но и заделалась дилером. Потому-то мы и приехали. Никакого дня рождения не было.

На третьем этаже стояли шкафы с новыми женскими вещами на продажу. Я ничего не купила. Если вдова продавала свои собственные вещи – это было бы очень грустно. Надеюсь, она просто ограбила модный магазин.

Андрей пришел ко мне на веранду веселый-веселый. Глаза, как плоски, как у собаки из сказки. И тут я возьми и спроси:

– Что будет через год?

Он скривил лицо:

– Не порти момент.

– Какой момент? – спросила я, – Нет никакого момента!

– Вот видишь, – он едва не проткнул меня пальцем, – ты уверена, что момента нет, а я говорю, что момент самый, что ни на есть...

И тут он застыл, не договорив. Замер, выгнув спину и закатив глаза. Прекрасно, подумала я, вот и поговорили.

5.

Взяла самое строгое, что было у сестры. Но нижнего белья не надела и пошла в «Нур». Села за стойку и заказала коктейль «Бруклин» на последние деньги. Мониторю окрестности. Бармены в белых комбинезонах здороваются с гостями, натужно общаются. Гости – мужики за сорок, за спиной которых стоят тени прошлого: две-три жены, дети в энном количестве, а дальше их болезни. От диабета, до болезней мочеполовой системы. Деньги у них есть, но в итоге все они будут уходить на лекарства.

Музыка становилась все громче, публика прибывала. Бледная молодежь без цели и банальные шлюхи.

Во дворике курили и, типа, разговаривали, пытаясь перекричать музыку. Пошел дождь. Дворик опустел. Я уже отчаялась.

И тут вижу его. Полноватый, неказистый, но чистенький, в белом поло, и воротник не поднят – это уже хороший знак.

– Можно попросить у вас зажигалку? – сказала я.

Оказалось, он не курит, а держит сигарету умотавшего куда-то друга.

– Я здесь случайно, – сказал он, улыбаясь.

Ты-то мне, думаю, и нужен.

Всё устроилось очень быстро. У него была какая-то невеста. Но такую как я скандалы только раззадоривают, а звонки в два часа ночи бодрят. Вскоре произошло отторжение эпидермиса, иными словами, невеста отвалилась.

Дениска стал мой. Весь без остатка. С его преклонение перед ЖЕНЩИНОЙ (слава покойной тётке!) и нытьем по утрам, с его готовностью помочь и зависаниями до минуты.

Секс был проблемой. Дениска очень старался. Он хотел меня каждый раз чем-то удивить. Но возможности не позволяли. А я оставила в Питере свою способность удивляться. Жили и жили.

– Ты меня любишь? – спрашивал Дениска.

– Да, – отвечала я.

– За что?

Если честно ответит на этот вопрос, я бы сказала «за спокойный сон». Он считал, что мой сон – это святое. Собирался и уходил на работу как мышь-полевка, бесшумно шагающая по сухой траве. Я находила возле кровати холодный кофе. Он еще мне кофе умудрялся тихо делать. Хотя наша кофемашинка при жизни соревновалась по уровню шума с пылесосом.

– Ты меня любишь? – спрашивал Дениска.

– Да, – отвечала я.

– За что?

– Этого нельзя объяснить. Ты – лучше всех.

Этот ответ его, кажется, устраивал.

И я не врала. Если любовь – это напряжение всех сил, как было с Андреем, такая любовь мне была не нужна. В конце концов, взрослый человек сам решает, что назвать ему любовью. Называют же любовью секс. Я могу назвать любовью рыбную ловлю или прогулки с собакой.

– Ты сегодня занималась любовью?

– Конечно!

Ты ведь гуляла со своим тойтерьером!

Я назову свои отношения с Денисом любовью. И никто мне не указ. Может быть такая любовь? Разумеется. Кому-то плохо от любви такого вида? Всем хорошо. Кто за такую любовь, поднимите руки. Единогласно.

6.

Дениска пришел ко мне в ванную, когда я забыла запереть дверь и, мерси мон Дьё, не успела начать «себя ласкати».

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответила я, и зарылась глубже в пену. Что-то он готовил неприятное. Я сердцем чувствовала.

– Поговорить хотел.

Он присел на край и ко мне в ванную свесилась часть его трогательной попки.

– Ну?

– У тебя всё в порядке?

«Нет, конечно», – подумала я, – «Выйди и оставь меня минут на двадцать пять и тогда все будет в порядке точно».

– У меня всё хорошо.

– Я хотел поговорить о ребенке.

– Каком ребенка? – у меня пересохло в горле.

– Нашем.

– Денис, я сама ещё ребенок.

Мой суженый посмотрел на меня со вниманием:

– Нет. Ты – взрослая.

Заметил наконец-то.

– Денис, я пока не хочу детей.

– А я тебя не тороплю.

– Очень хорошо.

– Хочу просто понять твои планы.

– Планирую жить дальше, Денис.

– Со мной?

– Ну, конечно. Ты – лучше всех.

– Это звучит формально.

Сердца Дениса – вещун.

– Денис, не морочь мне голову. Я тебя люблю, хочу жить только с тобой и никого мне больше не надо.

Денис заулыбался:

– Класс. Можно к тебе?

– Нет! Выйди, пожалуйста.

Он запыхтел и вышел. Я приподнялась и потянулась к защелке. Но тут Денис появился снова. Посмотрел на мою грудь, откашлялся.

– Почему, можно спросить?

– Что почему? – с меня стекала вода.

– Почему ты не хочешь ребенка?

– Я на работу решила устроиться.

Он очень удивился.

– Куда?

– К сестре. В клинику. На четверть ставки.

– А кем?

– Сталеваром.

– Что?

– Денис, не зли меня. Ну, конечно, врачом. Дермато-венерологом и косметологом.

– Одновременно?

– Денис, выйди на фиг!

Он вышел. Вопрос с ребенком был временно закрыт.

7.

В клинике я по большей части сидела в Ленином кабинете. Я называла его Ленинской комнатой. Работы не было и для врачей с опытом. Пропускной режим не позволял выйти на улицу. Я маялась. Жара была адова. В клинике было нечем дышать. Окна не открывались. Я ходила в халате на голое тело. А к концу дня легла на диван и халат расстегнула. Лена вернулась от главврача, встала у входа и сделала страшные глаза.

– Что? – спросила я, не двигаясь.

Обогнув Лену, в кабинет вошел Главный. Остановился и несколько раз шагнул на месте, словно шел по беговой дорожке.

– Здравсте, – сказал Главный, и добавил, – я потом...

Он вышел, мы с Леной остались один на один.

– Ты дура? – спросила сестра.

– У него тоже халат был расстегнут.

Железная Лена заперла дверь кабинета изнутри. Всё, думаю, сейчас она меня будет бить. А она достала бутылку коньяка. Я в углу наблюдаю. Халат застегнула и ноги под себя поджала. Ленка бутылку открыла и разлила по стаканам.

– Пить будем, – сказала она.

– Ты же не пьешь.

– Есть повод.

Я тут подумала, что её день рождения пропустила. Нет. Рано ещё. Взяла стакан и спрашиваю:

– Что за повод?

– Мы расстались, – сказала Лена.

– С кем? – И тут я всё поняла. Она с Главным встречалась. С этой Матрёшкой в штанах, прости меня Господи.

Я не выдержала:

– Он ведь женат.

– Не хочешь, не пей.

– Еще чего.

Мы напились. Пошли домой. Железная Лена с остановившимся взглядом все время шла вперед. Мне оставалось только ее направлять. Правда она едва не шагнула на пути с платформы станции «Кузнецкий мост». Но в остальном добрались без происшествий.

Я привела её к нам. Решила не оставлять одну.

– Это неудобно, – сказала Лена, упала на наш диван и уснула мертвецким сном.

Мы с Денисом знатно повеселились, слушая её храп.

– Я тебя хочу, – сказал он.

– Ну давай.

Получилось не очень, но веселее, чем обычно. Присутствие старшей сестры за стеной добавило, как говорят, в отношения остроты.

8.

– Мне не нужны подачки! – сказала Железная Лена.

Не было заметно, что у неё похмелье. Только запотевали стёкла её очков через равные промежутки времени.

– Ты о чем?

– Хочет от меня откупиться!

- Главный?
- Ненавижу.
- Погоди, погоди...

Я отвела сестру в сторонку, нашла глаза за стеклами очков, допросила с пристрастием.

Главный предложил ей поехать на кадавер-курс.

- Мертвых колоть?

Лена кивнула.

- Заманчиво, – сказала я, и добавила, – вот он гусь!

Лена снова кивнула.

- А где это?

- В Питере, – сказала Лена и, опережая мой вопрос, ответила, – я не поеду.

- Дорогая, наверное, история?

- Он обещал все оплатить, но это уже не важно.

– Не, это очень важно! – сказала я. – Слушай, а давай я вместо тебя поеду. Мне практика нужна.

- С чего это? Я собою жертвую, а поедешь ты.

Это называется теперь жертвую собой. Понятно.

- Вы расстались, напоминаю.

- И что? Может, ты хочешь моё место занять?

Ну я поняла, что все там не просто. Не расстались они, а играют друг у друга на нервах и делают свою жизнь интереснее. А вот у меня жизнь скучная и неувлекательная.

Что у меня сегодня было увлекательного? Я облизывала крышечку от йогурта. Всё.

Если у человека забрать его личную жизнь. Каким он станет? Нормальным, зажатым, свежеевымытым, без проблем. Суровый, одинокий специалист на витаминах, окруженный книгами и учениками, одного с ними пола. Или детьми, как дедушка Корней Иванович Чуковский.

Я как-то очень захотела колоть мертвецов иголкой.

– Если ты поедешь, возьми меня с собой. Мне нужна практика, – сказала я, и добавила, – чтобы не испортить живые лица.

Прозвучало неискренне.

- Нет, – сказала Железная Лена, – там курс триста тысяч стоит.

Я посмотрела на сестру взглядом сиротки Хаси:

- Попроси твоего, он тебе не откажет.

- Он не мой! – Лена держалась.

– Леночка, – сказала я проникновенно, – когда у кого-то заканчивается самый тяжелый период в жизни, он словно обнуляется, начинает новым взглядом видеть привычные вещи. Понимаешь? У меня был не просто тяжелый период, я пережила катастрофу! Как встречу с маньяком. После этого душа моя пуста. Мне нужны новые впечатления. Лучше позитивные.

- Ага. Мертвецы в морге.

– Мне нужна встряска, калейдоскоп эмоций, который заполнит мою пустую душу! Острые впечатления нужны, и разные переживания!

- Нет! – сказала Железная Лена железным голосом.

Она своих решений не меняла.

9.

- Денис, это всего три дня.

- Можно я с вами?

Муж смотрел на меня как ребенок, который решил-таки попросить игрушку. Ему страшно, но желание пересиливает.

- Ты что, ревнуешь?

Денис вздохнул. Мне очень захотелось его обнять, но в воспитательных целях я решила этого не делать.

– Денис, я еду учиться. Ты понимаешь?

– Я понимаю.

– Если бы я захотела тебе изменить, я давно бы это сделала в Москве. Сто раз тебе говорила.

– Я понимаю.

– А в Питере изменять могут только ненормальные. Там стоит снять трусы и всё, ты уже простуженная.

Денис улыбнулся. Я поцеловала его в нос. Он перевел мне на карту деньги. Все шло прекрасно.

Да, Железная Лена передумала. После нашего разговора она посмотрела на меня свысока и ушла из отделения на два часа. Посреди рабочего дня. Вернулась такая же строгая и независимая. С завернутым внутрь воротником халата.

– Договорилась насчет тебя.

– Спас-и-и-бо!

– Без рук!

Обнять себя не разрешила. Мне по крайней мере.

Мы сели на «Сапсан» в семь утра. Я дошла до вагона на автомате и сразу уснула. Проснувшись, я увидела живописную картину «Утро в вагоне бизнес-класса». Из столицы ехали серьезные люди на работу, видимо, в Смольный. Они спали, разметавшись, на сидениях повышенной комфортности. Длинные, деловые ноги в шелковых носках и лаковых туфлях в проходе. Кто сказал, что я смотрю на мужчин? Я не смотрю на мужчин. Я интересуюсь жизнью в целом. Замечаю детали. Да, и кто сказал, что счастье невозможно? В рожу этому идиоту! В морду ему!

Лена всю дорогу повторяла теорию.

– Ты всё знаешь, – сказала я.

– Всё равно, – сказала она.

– Тебя никто про слёзный мешок спрашивать не будет.

Железная Лена смотрела в книгу, ответила, не отвлекаясь:

– Я не хочу ничего пропустить. Ты вот всё помнишь?

– Конечно! – хотя не помнила я ни фиги.

Я хотела посмотреть Питер, пощекотать себе нервы, каждый раз ожидая, что из-за угла выйдет мой мучитель: волосы спадают на лицо, кожаный плащ с поднятым воротником, взгляд пронзительный. И обязательно такая музыка драматическая «Там-там-там!» А дальше скрипки такие тоненько пиликают: «татара, татары, татары», нагнетая тревожность. А я, конечно, такая, в белом платье, с браслетами тяжелыми, как моя жизнь, застываю на месте и у меня перехватывает дыхание. Мой камень преткновения Андрей, моя помеха и препона, моя гора самоцветов, мой эмоциональный отклик «хочу», мой соблазн, мой вожденный объект пронзает меня жгучим взглядом, и у меня под грудью остаются два маленьких ожога. Двоеточие после восклицательного знака.

Андрей берет меня за руку и говорит низким, подлым голосом: «Я знал, что тебя встречу». И оркестр начинает ломать инструменты, дуть в трубы ни с той стороны и бить ногами дирижера.

– Можно, я не пойду на этот курс? – сказал я неожиданно для себя.

– Ты что?! – Лена едва не повернулась ко мне вместе с вагонным креслом.

– Что? – я захлопала глазами.

– Я тебя взяла специально, чтобы ты повысила квалификацию.

– Мне уже давно нечего повышать.

– Ты всё обязательно вспомнишь.

– Я боюсь мертвецов.

– Не морочь мне голову.

Железная Лена открыла разворот с фасциями шеи на картинке.

Когда умерла наша бабушка, мы с Леной сделали странную штуку. Мы стояли в зале прощания в крематории в черных платках, который нам сделала мама из одного платка. Мы смотрели в пол и, не знаю, как Лена, я старалась заплакать.

Видя, как легко делают это взрослые, мне хотелось соответствовать. Но в детстве легче заплакать из-за двойки по русскому, чем из-за смерти бабушки Тони.

Железная Лена подошла ко мне бочком. Платок у нее сполз вперед и нос выглядывал из раструба.

– У меня наклейки есть. – сказала моя сестра шепотом.

И показала мне две одинаковые: барсук в солнечных очках, играющий на гитаре.

– И чего? – сказала я.

Железная Лена – это была ее идея! – предложила наклеить наклейки на гроб.

У детей сразу появилась задача. Дети с мотивацией страшны.

Когда началось прощание, мы были в первых рядах. От своей наклейки я отделила бумажку. Наклейка липла к пальцам. Меня подтолкнули к гробу.

Бабушка тоже была в платке. Но белом. Она сжала губы, словно всё ещё терпела боль.

Я отважно взялась руками за край гроба, большими пальцами чувствуя гвоздики с круглыми шляпками, который держали ткань.

Бабушка была близко, но меня это не сильно тревожило. Я избавлялась от наклейки, смогла ее наклеить. Вернулась к сестре и сказала:

– Давай.

Лена посмотрела на меня со страхом:

– Прилепила?

– Ага.

– Ты дура что ли?

– Ты сама предложила. Давай, твоя очередь.

Но Железная Лена свою наклейку куда-то дела.

Родственники и соседи прощались с бабушкой. Кто-то поцеловал ее прямо в лоб. Равнодушие. Вот как я к этому отнеслась в детстве. Во взрослом возрасте ничего не поменялось.

Так что, я не боялась мертвецов. Я боялась вернуться туда, где мне было очень плохо. И очень хорошо одновременно.

10.

Для Питера у меня было много имен: Просто Отстой, Нижний Новгород с Эрмитажем, Нищая Пропать, Геморрой на Неве, другие похожие. Почему я его не люблю? Потому что я москвичка? Пожалуй. Люди там слишком блаженные, с февральком в головах. Говорят, что не любят деньги, играют на гитарах, и у них порезаны запястья. Спрашиваешь их про шрамы, и они загадочно улыбаются. Ой, еще дреды в жиденьких волосах. Убила бы.

Нет. Не убила бы. Они и так здесь все убитые.

До заселения было два часа. Железная Лена предложила доплатить. Я уговорила её сесть на красный автобус и прокатиться, посмотреть на достопримечательности. По местам, где Петр Первый мучил стрельцов. Хотя, это в Москве было. Не важно.

Только сели в автобус, пошел дождь. Стекла запотели. Экскурсовод проверил микрофон:

– Всем доброе утро. Наша экскурсия начи – что? – нается.

Так он и продолжал делить слова, предлагая угадать нам их окончания.

– Перед вами знаменитые сфинксы. Зооморфные скульп – что? – птуры!

Половина автобуса втянулась. Стали по-пионерски заканчивать за экскурсоводом слова.

Экскурсия называлась почему-то «Вечерний Петербург». Стёкла еще сильнее запотели. Железная Лена превратилась в скуль – что – птуру. Когда ей что-то не нравилось, она камелла. Девица через проход записывала новую информацию в смартфон. Хотелось сказать экскурсоводу: «За – что? – ткнись». Я была такая злая на всю поездку, на спертый воздух, на соседей-туристов, на свою невытую голову, на свою жизнь, что заснула от злости. Организм выключился, чтобы не видеть и не слышать.

Когда я открыла глаза, я пожалела об этом. Мне стало очень страшно

В автобусе была невероятная тишина. Экскурсовод заткнулся. Стекла сделались отчего-то прозрачными. Пейзажи проплывали за ними бесшумно. Тянулись, как неприятная нота в фильме ужасов. Голубое небо. Гранитные набережные. Чистые, только что выметенные улицы. Ни одного человека не видно было за пределами автобуса. Казалось, мы плывем в ковчеге чешского производства по только что отстроенному Санкт-Петербургу. Длилось это не больше минуты. Вынырнул откуда-то лысый велосипедист, поравнялся с автобусом, стараясь его обогнать. Но не получилось у лысого. Показалась надпись «Девушки 24 часа» и стоптанный номер телефона на асфальте. Компания недолюбленных подростков, машущих руками, китайские туристы, мусор, почему-то живая лошадь, ведомая девушкой, с косою саженью в плечах и тэдэ и тэпэ, как говорит наш с Леной папа, когда ему нечего было сказать.

Номер с двуспальной кроватью мне понравился. Возле телевизора лежала реклама «Прогулочка на воздушном шаре».

Ленка пошла в душ, а я в глубоких раздумьях встала на кровать и принялась прыгать. Для начала тихонько, но быстро разошлась, опускалась всем весом, хотела проломить кровать на фиг. Подушки попадали на пол.

Прибежала Лена с мокрой головой.

– Слезай

– Чего это?

– Ты что, маленькая что ли?

– Прыгать на кровати можно в любом возрасте, – говорю, а сама прыгаю все выше и выше.

– Нам спать на ней.

– Так она мягче будет.

– Слезай!

– Тебе завидно.

Ей точно было завидно. У нее даже нос задрался немного от зависти. Я сказала:

– Ты меня прыгать на кровати научила.

– Никогда такого не было!

– Научила.

– Нет!

– Ты ко мне залезла, и мы кровать сломали.

Поставила перед фактом. Крыть ей было нечем.

– Иди сюда.

– Вот еще.

А я по глазам вижу, ей хочется.

– Сюда иди, Лен.

– Ещё чего!

Села в кресло и заложила ногу на ногу. Голову повернула в сторону окна. Там у нас в окне город сорванных голосов и город песен под расстроенные гитары.

Я прыгаю в одиночестве и предупреждаю родную кровь:

– Лена, я сейчас окно открою, крикну: «в пятьсот пятнадцатом номере шлюхи, идите к нам!»

Железная Лена сильно напряглась и немножко покраснела.

- Ты этого не сделаешь!
- Сделаю, и ты это знаешь.

Сестренка решила прожечь меня взглядом, но я повернулась и стала прыгать на нашей замечательной казённой кровати к ней спиной. Прыгаю, и слыша, она снимает обувь, залезает.

- Ура! – кричу.
- Ты дура!
- Ты тоже! Ура!!!

Лена прыгала с таким лицом, словно решала доказать гипотезу Рингеля-Коцига.

Мы взялись за руки – так прыгать на кровати веселее, если кто не в курсе – и мы стали беситься, как просто две ополоумевшие белки.

Я крикнула:

- Питер отстой!

Лена подхватила.

Потом мы кричали хором, потом попеременно.

Не знаю, что двигало Леной, но я, как заправская актриса, кричала одно, но имела в виду другое.

Самое отстойное было то, что Андрей, судя по всему, сломал меня. Я себя потеряла в этом гребаном граде на Неве. Может быть, я приехала, чтобы себя найти?

Или так, чтобы немножко починить. Обмотать упавший пульт скотчем.

Мы с Леной навсегда продавили кровать и хотели ещё порвать подушку, чтобы усыпать этот беспонтовый номер белыми перьями. Но наволочка не поддалась. Тогда я просто двинула Лену подушкой, а та схватила вторую подушку и ответила боковым, сбила меня с ног на фиг.

Я завелась. Бились недолго. Повалили плоский телевизор и только тогда утихомирились.

- Я выиграла, – сказала Железная Лена, тяжело дыша.

= Фиг с тобой, – сказала я. Мне было не жалко.

Лена подняла и посмотрела на себя в зеркало. Прихорашивалась она, как солдат перед парадом. Резкими движениями от плеча.

Мне же захотелось провалиться в дырку между кроватью и стеной, и я это успешно сделала.

- Не, не пойду, – сказала я из дыры.

– Почему?

- Не хочу на мертвых смотреть.

Железная Лена уговаривать меня не стала, но ушла так, что я почувствовала свою вину и за глобальное потепление тоже.

Она ушла, бросив взгляд на меня через зеркало и словно лазерные лучи выжгли на мне знак проклятия.

11.

Я торчала в номере, как на меже торчит неубранный колос чечевицы обыкновенной. Совершенно обыкновенной. Ординарной. Заурядной и сильно переоцененной. С мастурбацией ничего не получилось.

Зачем в этом номере так много зеркал. Ты вынуждена смотреть в них и говорить себе чистую правду. Ты поперлась в Питер чтобы увидеть бывшего? Чтобы же за страшная тварь ты есьшь?!

Ты ведь хотела столкнуться с ним в Эрмитаже, чтобы взял он тебя за руку и увел куда ему, подонку, вздумается. Ты что, хочешь быть связана телефонным шнуром? Тем шнуром, по которому из Смольного разговаривал с большевиками Ленин? Отключаем сердце, королевишна, включаем голову, включаем мозг нутрии. Ты просто хочешь быть инфантильной Золушкой. Хочешь, чтобы тебя вели, одевали-раздевали, снимали с тебя хрустальные туфельки, имели

тебя прямо в карете-тыкве, а ты словно тут и не при чем. И глаза у тебя закрыты крепко-крепко, как святые врата Ватикана.

Попробуй же немедленно спеть на мотив «Констанции»:

Ответственность! Ответственность!

Ты будешь нести за себя

Ответственно-о-ость!

Кстати, где-то здесь неподалеку живет Боярский.

Купить шампур, сделать шпагу и прийти к нему. Довести пожилого артиста до истерики. Стоп.

Надо воспитывать себя, Оля. Заниматься делом, расти над собой, повышать что-нибудь и расширять что-нибудь пора тоже. Голос в голове увещевал. А я готова была уже броситься по улицам города революций, города борьбы здравым смыслом, заглядывая каждому проходящему мужчине в глаза. Не Андрей ли? Не мой ненаглядный садист? Кто меня обесценит? Кто вытрет об меня ноги? Не вы ли, случаем? Ах, нет, пардон, обозналась.

К счастью, позвонил Денис.

– Что делаешь?

– Собралась тебе изменить, – сказала я.

Лучше всегда говорить правду! Это освежает отношения.

– Я уже, – сказал Денис.

– Ну и как?

Денис подумал:

– Ты – лучше.

– А я тебя предупреждала!

– У мужиков память короткая, не помнишь, что ли?

– Что с настроением?

По голосу поняла, он грустит.

– Мне плохо, – сказал мой Дениска.

– Что случилось у моего огурчика?

Огурчик помолчал, а потом сказал:

– Я скучаю.

Боже, человек мучается, а я скотская скотина мечтаю о БДСМ.

– Я скоро вернусь.

– Я знаю.

Денис молчал выразительно и шумно.

– Я тебя люблю, – сказала я, не совсем то имея в виду.

– Аналогично, – сказал Денис.

В этом был он весь. Я спрашивала:

– Хочешь меня?

– Не без этого, – отвечал, как правило Денис.

Ко мне ненадолго вернулась совесть и привела с собой чувство вины. Большое, как воздушный шар, на котором ученый Менделеев летал смотреть на солнечное затмение.

Короче, побежала я всё-таки на кадавр-курс. Мертвецов смотреть.

По улице шла, опустив очи долу, чтобы специально никого не встретить.

Бывшие – это пароходы, сгинувшие в тумане Босфорского залива. Гудят натужно в белой дымке, напоминают о себе. А ты желаешь страстно, чтобы они поскорее отдали концы где-нибудь в другом месте, у другого гостеприимного причала и не напоминали о себе ни гудками, ни сигналами, ни масляными пятнами на воде.

Меня по паспорту пустили в морг. Надела халат и пошла в Аид по длинному, подземному коридору.

Там толком ещё не начали.

Десять белых деловых халатов стояли вокруг халата синего возле секционного стола. Я узнала Железную Лену в шапочке, под которую она умудрилась спрятать все волосы. Остальные девять – раздавшиеся в боках провинциальные Растиньячки, тетки с претензиями – глаза как разные пуговицы. Мужчин среди слушающих не было. Лектор говорил по-итальянски, весело вскрикивая, каждый раз словно наступая в ледяную воду.

Бубнила переводчица, еле поспевая за иностранцем. Она тоже была в халате. Смотрела в сторону, в кафельную стену. Похоже, ей надоела жизнь в целом. Или она просто боялась трупов.

– Пришла? – спросила Железная Лена шепотом.

– На извозчике приехала.

– Ты пьяная?

– Поцелуемся?

Железная Лена покачала головой и сделала вид, что она не со мной. Обошла итальянца и встала по правую руку. Её сразу пустили к столу. Железную Лену уважали. Курьеры обращались к ней на «вы». Она у всех вызывала доверие. Даже у меня.

Итальянец повышал голос, казалось, вот-вот и запоет. Переводчица не попевала. Руками иностранец взмахивал возле груди, как сильно подрезанными крыльями.

На столе лежал безликий, биоопсийный материал. Вернее сказать, у материала было лицо. Только оно и было. Голова с закрытыми навсегда глазами, обложенная марлей.

С первого раза пробраться к столу не получилось. Меня оттесняли участницы семинара, попы – как танчики. Нездоровый ажиотаж. Слетелись как гарпии на мертвое тело.

Сейчас объясню. Трупы для препарирования – редкость. Резать наших с вами усопших граждан – попасть под статью: «надругательство над телами умерших». Поэтому трупы для нашего кадавр-курса привезли из Финляндии. Финские бомжи на вес золота. Голову одного из них я не могла рассмотреть толком. Итальянец вскрикивал, словно продавал лучшие канноли на планете Земля. Задницы в белых халатах теснились, прилегая друг к другу без швов, словно камни в Мачу-Пикчу. Задницы начинались сразу от плечевого пояса и заканчивались в районе коленных чашек. Коленных тазов, я бы сказала. Такие задницы можно было вскормить, бросая в топку коробки конфет, ликеры неизвестных китайских производителей, булки сахарные, комплексные обеды с калорийными перекусами. Одной из задниц позвонили, видимо из магазина штанов, сказать, что они нашли наконец подходящий размер, сшитый из двух парашютов. Задница вытащила телефон, посмотрела на меня, сказал в трубку, что ей некогда говорить, и осталась на своем месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.